

М.А. Ақмади 

Қазақстан ұлттық университеті им. аль-Фараби, Қазақстан, г. Алматы,
e-mail: akmadi.moldir@gmail.com

ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В данной статье проведен анализ социального восприятия инициативы «Один пояс, один путь», степени осведомленности населения стран Центральной Азии о реализации данного проекта, специфики восприятия и роли СМИ во влиянии на восприятие инициативы «Один пояс, один путь». В статье показаны результаты проведенного обзорного анализа, свидетельствующие о том, что ввоз китайской производственной мощи на территорию Казахстана в рамках инициативы «Один пояс, один путь» усиливает антикитайское настроение в стране, свидетельством которого являются антикитайские митинги. Также в статье отмечается, что данные явления имеют волновой характер, однако они оказывают значительное влияние на развитие проекта в определенных регионах.

В статье очень подробно представлен анализ экономической, политической и социальной проблемы инициативы «Один пояс, один путь», рассматриваемой такими авторами, как Сара Лейн, Марлен Ларюэль, Азад Гарибов, Пауло Дуарте, Сафовудин Джаборов. Также дается анализ статей А. Бурханова, Йен Вон Чен, исследующих проблему восприятия Китая, китайцев и китайской миграции в Казахстан. В исследованиях данных авторов углубленно рассматриваются политические и экономические аспекты, большое внимание также уделено изучению социального аспекта данной инициативы «Один пояс, один путь». В статье также выделяются исторические и культурные факторы и вопросы институционального потенциала и маргинальности, которые могут препятствовать инициативе Китая.

Ключевые слова: инициатива «Один пояс, один путь», Китай, Центральная Азия, социальное восприятие.

М.А. Akmadi

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: akmadi.moldir@gmail.com

«One belt, one road» initiative in Central Asia

This article analyses the social perception of the “One Belt, One Way” initiative, the degree of awareness of the Central Asian countries about the implementation of this project, the specifics of perception and the role of the media in influencing the perceptions of the “One Belt, One Way” initiative. The article also shows the results of review analysis, indicating that the export of Chinese production power to Kazakhstan as part of the One Belt, One Way Initiative reinforces the anti-Chinese mood in the country, as evidenced by anti-Chinese rallies. The article also notes that these phenomena are wave-like, however, it has a significant impact on the development of the project in certain regions. The article provides a very detailed analysis of the economic, political and social problems of the One Belt, One Way initiative addressed by such authors as Sarah Lane, Marlene Laruelle, Azad Garibov, Paulo Duarte, Safovudin Dzhaborov. Also, analysis of the article by Burkhanov A., Yen Won Chen, addressing the issue of perception of China, Chinese and Chinese migration to Kazakhstan. In the works of these authors, the social aspect is addressed, but the political and economic aspects are considered in more depth. It also considers historical and cultural factors and issues of institutional capacity and marginality that may impede China’s initiative.

Key words: initiative One belt, one way, China, Central Asia, social perception.

М.А. Ақмади

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.,
e-mail: akmadi.moldir@gmail.com

Орталық Азия елдеріндегі «Бір белдеу, бір жол» бастамасы

Бұл мақалада «Бір белдеу, бір жол» бастамасының әлеуметтік тұрғыдан қабылдануына, осы жобаның іске асырылуы жайында Орталық Азия халқының хабардар болу деңгейіне,

бастаманы қабылдауға әсер етудегі БАҚ-ты қабылдау ерекшелігі мен рөліне талдау жүргізілді. Сондай-ақ талдау нәтижелері «Бір белдеу, бір жол» бастамасы шеңберінде Қытай өндірістік қуатын Қазақстан аумағына шығару антиқытайлық митингілер куәгері болып табылатын елде антиқытайлық көңіл-күйді одан ары күшейтетінін көрсете отырып ұсынылды. Сонымен қатар мақалада бұл құбылыстардың толқындық сипаты бар екені, алайда ол белгілі бір өңірлерде жобаның дамуына айтарлықтай әсер ететіні ескерілді.

Мақалада Сара Лейн, Марлен Ларюэль, Азад Гарибов, Пауло Дуарте, Сафовудин Джаборов сияқты авторлар қарастырған «Бір белдеу, бір жол» бастамасының экономикалық, саяси және әлеуметтік проблемаларына талдау жасалынды. Сонымен қатар Қытайдың, қытайлық және Қытай көші-қонын Қазақстанға қабылдау мәселесі туралы жазылған А. Бурханов пен Йен Вон Чен мақалаларына талдау жүргізілді. Осы авторлардың еңбектерінде әлеуметтік аспектілер қозғалады, алайда саяси және экономикалық аспектілер тереңірек қарастырылады. Қытайдың бастамасына кедергі келтіруі мүмкін тарихи және мәдени факторлар, сондай-ақ институционалдық әлеует пен маргиналдық мәселелері қарастырылады.

Түйін сөздер: «Бір белдеу, бір жол» бастамасы, Қытай, Орталық Азия, әлеуметтік қабылдау.

Введение

Инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) является актуальным и важным вопросом для стран Центральной Азии. Проект подразумевает под собой политическое, экономическое сотрудничество, свободное передвижение капитала и укрепление близости между народами. При реализации такого важного и крупного проекта необходимо изучить восприятие населения к инициативе Китая. Восприятие проявляется по-разному в зависимости от того, насколько это влияет на повседневную жизнь самих граждан. К примеру, для частных предпринимателей данная инициатива дает возможность развивать свой бизнес и выходить на международный уровень, следовательно, и восприятие формируется при положительных аспектах. Однако наблюдаются и сложные отношения со стороны населения Центральной Азии, которые проявляются в синюфобии, антикитайских протестах, митингах, в страхе населения перед китайской экспансией и китайской политикой «Мягкая сила».

С момента реализации инициативы «Один пояс, один путь» были описаны многие исследовательские вопросы, которые рассматривают экономические, политические, социально-экономические аспекты развития данной программы, такими авторами, как А. Бурханов, Йен Вон Чен, Стеберг Трой, Д. Катер, М. Хаденс, А. Ли, М. Лазур, и другими. Данные авторы указывают роль стран Центральной Азии в данном проекте, роль государства и политической элиты. В работе А. Бурханова и Й. Чен были рассмотрены разные позиции государственных и частных газет на русском и казахском языках. Согласно полученным результатам, государственные газеты передают больше идеологическое сообщение, чем информацию аудиторией о происходящих событиях. В

статье другого автора, М. Хадес, рассматриваются инвестиции, которые Китай вкладывает в страны Центральной Азии в рамках проекта «Один пояс, один путь», и почему страны Центральной Азии являются ключевыми фигурами в реализации данного проекта. В статьях таких авторов как Т. Стернберг, А. Ахеарн и Ф. Макконел рассматриваются географические факторы, которые непосредственно являются одной из главных причин, почему Центральная Азия важна в инициативе «Один пояс, один путь». Также рассматривают исторические и культурные факторы и вопросы институционального потенциала и маргинальности, которые могут препятствовать инициативе Китая.

Проблема исследования заключается в том, что в данной области мало работ, которые затрагивают социологический аспект, а именно социальное восприятие самого населения стран Центральной Азии данного проекта. Мало кто изучил, насколько вообще население страны осведомлено о реализации данного проекта, каково отношение людей к данному проекту. Также мало рассмотрена проблема формирования антикитайского восприятия и не была изучена взаимосвязь антикитайского восприятия с снижением эффективности реализации данного проекта, может ли привести к созданию социальных движений, социальных изменений или усилить антикитайское настроение в данных странах.

Объектом исследования являются страны Центральной Азии. Предмет исследования – процесс реализации инициативы «Один пояс, один путь». Цель исследования заключается в обзорном анализе реализации и восприятия инициативы «Один пояс, один путь» в странах Центральной Азии. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи исследования: анализ теории «Мягкой силы»

Джозефа Ная в рамках инициативы «Один пояс, один путь»; контент-анализ научных публикаций на тему «Инициатива «Один пояс, один путь»; анализ особенности восприятия инициативы «Один пояс, один путь» в странах Центральной Азии. Метод исследования заключается в обзорном анализе научных статей по теме «Инициатива «Один пояс, один путь»».

Для анализа мы взяли период с 2013 года, поскольку именно в этом году берет свое начало данная инициатива. Для вторичного анализа использовались работы таких авторов, как А. Бурханов, Йен Вон Чен, Стеберг Трой, Д. Катер, М. Хаденс, А. Ли, М. Лауэре, Сара Лейн, Пауло Дуарте и другие. Исследование носит описательный характер и основано на некоторых показателях глобального экономического развития. Исследование в основном сосредоточено на контексте развития, восприятия, происхождения, стратегии, возможностей и проблем инициатив ОПОП на основе деловых, экономических, политических, социальных и экологических аспектов. Теоретически подход исследования основывается на теории «agenda-setting», или теории повестки дня, согласно которой средства массовой информации оказывают значительное влияние на общественность непосредственно самим подбором того, что именно они освещают, и теории «Мягкой силы» Джозефа Ная.

Результаты исследования заключаются в том, что по теме «Инициативы ОПОП» написано и проведено много исследований. Однако инициатива ОПОП больше всего рассмотрена и изучена в области экономики, финансов, политологии, геополитики и международных отношений, очень мало изучена область социологии, то, как развитие данной инициативы повлияет на социальное изменение в тех странах, которые непосредственно связаны с данным проектом. Также мало исследований в области восприятия и общественного мнения о данной инициативе.

Основная часть

Подъем Китая в XXI веке оказал огромное влияние на глобальную политику и глобальную экономическую структуру. Чем больше росла жесткая сила Китая, как его экономика и вооруженные силы, тем больше страна искала способы увеличить свои международные связи, дискурс и другие виды «мягкой силы». По мнению американского ученого Джозефа Ная, «мягкая сила» относится главным образом к способности нации привлекать других своей культурой и

политическими ценностями, определять международные нормы и повестку дня в мировой политике. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная вызвала множество комментариев и дебатов внутри Китая (Shambaugh, 2013:169). Консенсус в отношении важности использования «мягкой силы» во внешней политике Китая столкнулся с разногласиями относительно того, как ее следует осуществлять или, другими словами, в какой степени эта изначально западная концепция соответствует политическому подходу и целям Китая.

Дэвид Шамбо, профессор Университета Джорджа Вашингтона, выделяет три основные школы ценностей в Китае. Первая – «ценности как культура», согласно которой такие ценности, как мир и гармония, мораль или волонтерство, должны составлять главный вклад Китая в мировую культуру (Shambaugh, 2013:169). Однако внутри этой школы проходят оживленные дебаты, в ходе которых некоторые критикуют этот узкий подход как слишком эксклюзивный, утверждая, что его следует сочетать с другими экономическими и более широкими культурными и историческими элементами китайской системы. Вторая школа считает, что политическая система Китая должна рассматриваться как модель использования «мягкой силы», демонстрируя ее как наиболее способную и законную, чтобы она стала привлекательной для других стран. Наконец, третья школа фокусируется на экономическом развитии Китая как международной модели.

Помимо этих продолжающихся дебатов, Пекин использовал в Центральной Азии многоплановый подход к «мягкой силе», используя культурные инструменты, одновременно продвигая свою политическую и экономическую модель как сочетание пути мирного развития и социализма с китайскими характеристиками. Он стремился продвигать китайскую культуру, которая до сих пор оставалась относительно неизвестной среди большинства местного населения; он продвигал свою собственную модель экономического развития и стремился смягчить предполагаемые риски своего экономического присутствия, демонстрируя свой предполагаемый непревзойденный вклад в региональное развитие.

В последние годы Китай привлекает большое внимание во всем мире, активно устанавливая глобальную повестку дня «agenda-setting», от Гармоничного мира до Китайской дороги, Китайской модели, Китайского мировоззрения, Китайской мечты и инициативы «Один пояс, один путь». Это открыло новый способ интерпретации мира через китайские рамки, увеличи-

чило силу дискурса Китая на мировой арене и наполнило ее китайским контентом. Таким образом, «Один пояс, один путь» является важной тактикой китайского правительства по восстановлению международного порядка общения, использованию силы дискурса Китая и развитию «мягкой силы» нации в эпоху глобализации.

Стратегию «Один пояс, один путь» можно обобщить как одну основную идею (мир, сотрудничество, развитие и взаимная выгода), пять основных направлений сотрудничества (координация политики, подключение объектов, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и связи между людьми) и три сообщества (сообщество общих интересов, сообщество общей судьбы и сообщество ответственности). «Сообщество общей судьбы» – это новая система дискурса, предложенная правительством Китая; голос Китая передается миру самим Китаем. Концепции общей судьбы между народами, между региональными сообществами и общей судьбы человечества отражают надежду Китая на достижение мира и развитие и создают мировоззрение, которое выходит за пределы национальных государств и идеологий. Они выражают идею Китая о взаимовыгодном сотрудничестве с другими странами. Путем сближения индивидуальных интересов и формирования сообщества общего предназначения для всего человечества экономическая глобализация дала возможность всему миру с населением в семь миллиардов человек развиваться вместе. Дискурсивная система сообщества общей судьбы включила культурную среду Китая и является главной силой, продвигающей международную дискурсивную систему Китая.

В настоящее время «Один пояс, одна дорога» получает поддержку 64 стран, и его система дискурса приобретает международное влияние, и, таким образом, мир начал принимать китайский дискурс. По мере того как ведется реализация инициативы ОПОП, международная система связи во главе с Китаем и дискурс Китая в ней постепенно набирают больший вес. Через «Один пояс, один путь» страна осуществляет свою международную коммуникацию и международный дискурс, и успех этой стратегии может принести эффект осуществления китайской мечты. Инициатива ОПОП стала сегодня самым известным брендом в Китае, и после ее завершения она станет эффективным средством глобальной «мягкой силы» и рычагов воздействия. Китайская глобальная диаспора может также играть активную роль, распространяя конфу-

цианские мудрость и ценности, основанные на концепции «рен-йи», переводимой как «доброжелательность», «гуманность» и «любовь», что иллюстрирует идеальное отношение китайцев к жизни (Kushkumbayev, 2015).

В ходе анализа литературы важно отметить тот факт, что в большинстве исследований рассматривались экономические и политические проблемы развития и реализации данной инициативы. Экономическая и политическая проблемы инициативы «Один пояс, один путь» рассматриваются в работах таких авторов, как Сара Лейн, Марлен Ларюэль, Азад Гарибов, Пауло Дуарте, Сафовудин Джаборов. Также непосредственно восприятие Китая в Казахстане рассматривают А. Бурханов, Йен Вон Чен. В работах данных авторов социальный аспект затрагивается, однако более углубленно рассматриваются политические и экономические аспекты. В статье таких авторов, как Т. Стернберг, А. Ахеарн и Ф. Макконел, рассматриваются географические факторы, которые непосредственно являются одной из главных причин, почему Центральная Азия важна в инициативе «Один пояс, один путь». Также рассматривают исторические и культурные факторы и вопросы институционального потенциала и маргинальности, которые могут препятствовать инициативе Китая.

Однако в данной области исследования немногие работы затрагивают социологические проблемы, а именно социальное восприятие самого населения стран Центральной Азии данного проекта. Мало кто изучил, насколько вообще население страны осведомлено о реализации данной инициативы, каково отношение людей к данному проекту. Также мало рассмотрена проблема формирования антикитайского восприятия на основе реализации инициативы «Один путь, один пояс». Не была изучена взаимосвязь антикитайского восприятия со снижением эффективности реализации данного проекта, может ли он привести к созданию социальных движений, социальным изменениям или усилить антикитайское настроение в данных странах.

Китайская инициатива ОПОП, безусловно, представляет собой самый амбициозный глобальный проект страны, соединяющий Китай, вторую по величине экономику мира, с Африкой, Центральной и Юго-Восточной Азией, Европой и Ближним Востоком через транспортную и торговую инфраструктуру. Два основных компонента ОПОП, Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь составляют план стоимостью в несколько триллионов долларов,

охватывающий 68 стран, на которые вместе приходится 60 % населения мира и до 40 % мирового ВВП.

Экономический пояс Шелкового пути включает в себя ряд сухопутных инфраструктурных связей через Евразию, в то время как Морской Шелковый путь – это план строительства и управления портами в стратегически важных местах, чтобы в конечном итоге соединить Китай с Африкой и Ближним Востоком морским путем. На сухопутных и морских маршрутах китайские корпорации будут строить экономические зоны, промышленные парки и другие объекты, такие как электростанции, для стимулирования экономики региона и повышения уровня жизни местных жителей. Благодаря крупному государственному кредитованию эти корпорации рассчитывают получить значительную выгоду от экспорта оборудования и продукции и осуществления прибыльных строительных проектов, связанных с ОПОП. Китай надеется, что его ведущая роль в этой инициативе улучшит его имидж как великой державы в его окрестностях и других уголках мира. Как дорогостоящий межрегиональный план инвестиций и развития, ОПОП полон неопределенностей. Международные СМИ и комментаторы задокументировали основные риски безопасности, геополитические и нормативные риски, с которыми сталкивается проект. Например, после объявления ОПОП число китайских мигрантов в Центральной Азии быстро росло из-за увеличения китайских инвестиций. В некоторых странах наблюдаются рост алармистского отношения к Китаю (Garibov, 2018: 143) и рост числа инцидентов против китайских мигрантов. В Кыргызстане и в некоторой степени в Таджикистане антикитайские настроения вызвали протесты. В Казахстане, который долгое время считался оплотом региональной стабильности, новости о возможности сдачи в аренду сельхозугодий страны Китаю вызвали самые большие протесты за последние два десятилетия. Узбекские и туркменские власти ужесточили миграционный контроль и ввели строгие ограничения на количество китайских рабочих, которые могут работать.

Многие страны, граничащие с Китаем, особенно малонаселенные регионы, такие как Центральная Азия и Дальний Восток России, опасаются массового притока китайских мигрантов. В Центральной Азии, регионе с населением всего 68 миллионов человек, граничащем с крупнейшим экспортером рабочих-мигрантов в мире, средства массовой информации и популистская

политика усугубляют эти опасения из-за значимости демографической власти Китая. В 2015 году в Китае родились 16,6 миллиона человек, что почти равно населению Казахстана. И, как пишет одна местная газета, кыргызский народ подозревал, что «огромная разница в размерах двух стран и народов будет означать, что киргизы скоро утонут в китайском море» (Garibov, 2018: 145).

Существует также мнение, что мигранты усиливают конкуренцию на местном рынке труда, лишая местных жителей возможностей трудоустройства, создаваемых китайскими инвестициями. По словам Дэвида Льюиса, китайские инвестиции «не всегда дают людям местную работу и нанимают местных специалистов». Таким образом, в Казахстане и Кыргызстане китайские мигранты рассматриваются как конкуренты: трудолюбивые, предприимчивые и желающие жить и работать в плохих условиях. Есть опасения, что «они могут занять долю и без того дефицитного рынка труда и даже получить контроль над некоторыми секторами национальной экономики». Еще больше факторов подпитывают антикитайские настроения в Казахстане и Кыргызстане. Среди них – внутривластная динамика, в том числе попытки политиков, элитных групп извлечь выгоду из антикитайских обид, а также отсутствие знаний о Китае, его культуре, языке и привычках. Последнее препятствует развитию межличностных отношений и общению между местными жителями и китайскими мигрантами и работодателями. Дополнительным фактором является неспособность китайских компаний эффективно решать проблемы местных жителей и использовать тактику корпоративной социальной ответственности для управления проблемными отношениями с местными сотрудниками.

ОПОП – это не просто сумма отдельных проектов, сосредоточенных вокруг идеи соединения Китая с остальным миром посредством новой континентальной и морской инфраструктуры (Laguette, 2015:360). Скорее, это метадискурс на Шелковом пути и новое проявление «мягкой силы» Китая, его «мирного» и «многостороннего» подъема (Laguette, 2015, с. 363). Благодаря ОПОП Китай является и останется крупнейшим инвестором в Центральной Азии. Это единственная страна, которая может мобилизовать огромные инвестиции в регионе, далеко за пределами того, что могут предложить западные страны и Россия. Тем не менее успех этой инициативы является относительным. На практике часть выделенных денег теряется из-за корруп-

ции и административной дисфункции, в то время как проекты не соответствуют более высоким стандартам устойчивости и в основном оцениваются на их прибыльность. Также кажется, что китайские проекты испытывают трудности с достижением более высокого экономического эффекта, который может привести к увеличению числа рабочих мест, в особенности в Казахстане. Тенденция роста трудовой миграции китайцев в Казахстан растет с каждым годом, данная тенденция наблюдается с 2013 года, по сравнению с другими странами Центральной Азии. Быстрый рост трудовой миграции китайцев в Казахстан основывается на реализации проектов в рамках инициативы ОПОП, которая становится причиной недовольства со стороны местного населения, результатом чего стали активные митинги против Китая и китайцев в городах Алматы и Нур-Султан.

Для того чтобы ОПОП добился успеха в том виде, в каком это предлагает Китай, он должен стимулировать промышленность, которая больше направлена на торговлю в Китае, и обеспечивать диверсификацию торговли за пределами Китая. Чрезмерная зависимость от Китая как рынка и иностранного инвестора создает значительные риски, о которых государства Центральной Азии уже знают, некоторые в большей степени, чем другие. Чрезмерная зависимость от Китая как покупателя товаров представляет особый риск. В настоящее время Туркменистан испытывает давление: Китай является единственным иностранным импортером туркменского газа, так как Россия в 2016 году приостановила импорт газа из Туркменистана (Lain, 2016: 64). Успех китайского проекта ОПОП также может стать еще одной проблемой для конкурентоспособности экспорта из Центральной Азии. Если экономическое развитие в Синьцзяне будет успешным, государства Центральной Азии могут оказаться в конкурентной борьбе с Синьцзяном, чтобы продавать свою продукцию в Восточном Китае. Эта угроза особенно остра, потому что Синьцзян стремится развивать свою минеральную, энергетическую, пищевую и текстильную отрасли промышленности, которые являются ключевыми секторами для государств Центральной Азии.

С другой точки зрения данную проблему рассматривает Пауло Дуарте. Он утверждает, что ОПОП выражает желание Китая секьюритизировать свой доступ к энергии и минеральным ресурсам. Кроме того, инициатива ОПОП нацелена на достижение военных, политических и культурных целей путем увеличения способно-

сти Китая оказывать влияние на региональную и глобальную сферы. Это целостная секьюритизация, поскольку различные китайские провинции (в переносном смысле «составные части целого») призваны внести свой вклад в достижение более высокой цели (Duarte, 2019: 143). Это более высокая цель – проект, который начинается внутри страны, распространяется на периферию Китая и постепенно распространяется на другие уголки мира. Таким образом, возрождение коридоров Восток – Запад направлено на достижение множественной секьюритизации в сферах политики, экономики, военной мощи и мягкой силы.

Проблему восприятия и отношений Китая и Центральной Азии также рассматривает Сафовудин Джаборов. Он рассматривает проблему китайского кредита, который увеличивает экономическую активность и способствует росту торговли в Центральной Азии, а регион рискует стать зависимым от китайских инвестиций для поддержания развития инфраструктуры, созданной в рамках ОПОП. Другая проблема заключается в том, что в контексте упрощенной торговли сравнительные преимущества китайских компаний могут разрушить конкурентоспособность местных компаний и создать больший спрос на китайский импорт в Центральную Азию (Jabogov, 2017: 34). В целом нынешние отношения между Китаем и Центральной Азией параллельны советской экономической системе, где южные республики в основном поставляли энергоресурсы и сырье в более промышленно развитые регионы Советского Союза. Сегодня Китай, как и Советский Союз, в первую очередь заинтересован в импорте сырья, энергии и полезных ископаемых из региона, а также в экспорте своей готовой продукции в Центральную Азию. Таким образом, кредитная политика Китая соответствует определению «хищнической помощи».

Азиз Бурханов исследует и обсуждает политические последствия инициативы ОПОП и ее влияние на социокультурное восприятие Китая в современном казахстанском и более широком среднеазиатском медиадискурсе. Большинство стран Центральной Азии имеют определенные социальные предрассудки в отношении Китая, в первую очередь из-за истории и популярных стереотипов (Burkhanov, Chen, 2016). Наследие китайско-советских пограничных конфликтов 1960-х и 1970-х годов, несбалансированная демографическая ситуация и отсутствие академического и научного опыта в современном Китае способствовали формированию стереотипного

и паникерского взгляда на Китай. Современная литература демонстрирует, что простые жители Центральной Азии, включая казахстанцев, не обязательно соглашались с оценкой своих лидеров того, что постепенное улучшение отношений с Китаем отвечает национальным интересам страны. Анализ опросов и экспертные наблюдения указывают на наличие различных фобий и мифов, основанных на предубеждениях в восприятии казахстанцами граждан Китая. Отчасти это негативное восприятие коренится в существующих проблемах, включая плохое обращение с местными работниками, нанятыми китайскими компаниями, работающими в Центральной Азии, плохие условия труда, более низкую заработную плату и отсутствие медицинской помощи. Местные производители воспринимают приток китайских товаров в Казахстан как угрозу, поскольку они не могут конкурировать с китайскими компаниями. Существует двойное восприятие участия Китая со стороны казахстанского общественного мнения. С точки зрения межгосударственных отношений политическое и экономическое сотрудничество между Китаем и Центральной Азией развивается хорошо и активно поддерживается правящими элитами. Однако любое расширение участия Китая в казахстанской экономике также вызывает отторжение и усиливает негативное восприятие Китая в общественном дискурсе. В частности, есть вопросы о роли, которую Синьцзян будет играть в казахстанско-китайских отношениях, и какой подход казахстанское руководство должно использовать в своей политике в отношении Синьцзяна – поддержка этнически и культурно близкого уйгурского населения Синьцзяна или развитие хороших отношений с Китаем.

Некоторые аналитики утверждают, что инициатива ОПОП предназначена для того, чтобы стороны, участвующие в проекте, добились легитимности. Китай развивается в направлении беспрепятственной экономической и политической гегемоний. Таджикистан и Кыргызстан дают разные примеры того, как инициатива китайского Шелкового пути представлена и обсуждена государством и обществом. В Таджикистане государство просто навязывает и приветствует возникающую зависимость от китайских инвестиций. Между тем в Кыргызстане неформальные переговоры приводят к бесплодным попыткам привлечь больше инвестиций, в результате чего эксперты призывают к более согласованным действиям в отношении возможностей Китая. И хотя в Таджикистане наблюдается

значительный приток китайских инвестиций во все сферы экономики, вплоть до того момента, когда китайские деньги будут готовы финансировать строительство целых городов, зависимость Кыргызстана менее выражена и более оспариваема. Набор вовлеченных участников, существенные противоречия в отношении китайских инвестиций и интеграция Кыргызстана в Евразийский экономический союз значительно усложнили его отношения с Китаем и потенциал для китайских инвестиций. В конце концов, все различия в акторах и дискурсах, за исключением китайской инвестиционной практики, не изменились с тех пор, как Си Цзиньпин объявил об инициативе «Один пояс, один путь». Китайцы продолжают отличаться посредством прямых межгосударственных контактов, они могут быть уверены, что их экономическая экспансия будет продолжаться без помех, пока нет другого соответствующего источника финансирования (Wolters, 2017: 41).

Проблема развития инициативы ОПОП и ее влияние как на экономическое, так и на экологическое положение были рассмотрены в исследовании Марека Йочека и Дженни Дженыс кызы. Авторы пишут о тематическом исследовании в Казахстане и Кыргызстане, в котором они опросили около 300 респондентов из молодой, образованной элиты двух стран. Общее мнение этого образованного класса о китайских иностранных инвестициях довольно либерально. Они почти единодушно согласны с тем, что иностранные инвестиции полезны для их страны (96 % полностью согласны). Наиболее опасное негативное влияние – приток китайских иммигрантов: около 80 % респондентов склонны согласиться с тем, что это представляет риск. Затем следуют загрязнение окружающей среды и ущерб окружающей среде (70 %), после чего следуют китайские методы управления (65 % в Казахстане и 52 % в Кыргызстане). В отличие от этого, только 25 % респондентов считают, что китайские инвестиции могут расстроить Россию, а 30–40 % – нарушить геополитический баланс сил. Около 59 % казахстанских респондентов и 44 % респондентов в Кыргызстане склонны согласиться с тем, что китайские инвестиции представляют собой угрозу независимости их страны; только 6% позволили бы китайским рабочим физически присутствовать в их стране. Кыргызстан, похоже, более открыт для тесного сотрудничества с Китаем. От 65 до 75 % людей поддерживают ту или иную форму таможенного союза, свободного перемещения

товаров и свободного перемещения капитала с Китаем (в Казахстане поддержка таких мер составляет 35–50 %). Около 43 % респондентов в Кыргызстане также поддержали бы свободное передвижение людей по сравнению с 23 % в Казахстане (Jochec, Jenishkyzy, 2017: 60).

Выводы

Исследование показало, что инициатива ОПОП только начала свое развитие, которое будет продолжаться, так как не имеет подобных себе проектов. Более того, можно сказать, что китайские власти пытаются улучшить восприятие своей страны, расширяя контакты и обмены с Центральной Азией. ОПОП, целью которого является укрепление экономического сотрудничества между Китаем и Центрально-Азиатским регионом, в конечном итоге укрепление доверия и улучшение восприятия казахстанцами и другими жителями стран Центральной Азии Китая, имеет большой потенциал, но, похоже, на данный момент его влияние на проблемы идентичности в Центральной Азии было ограниченным и даже

вызвало некоторое культурное сопротивление. Однако при всей величине и перспективе проект ОПОП также сталкивается с рядом проблем, которые были ранее описаны. В особенности важно выделить, что участие Китая в Центральной Азии не было гладким. Не все в восторге от растущего присутствия Китая в регионе. Население Центральной Азии с подозрением относится к китайцам, опасаясь, что гораздо более значимые китайцы захватят Центрально-Азиатский регион. Синофобия проявляется во всем регионе, даже в большей степени, чем в Казахстане, что привело к протестам во многих местах по всей стране против предлагаемого закона, по слухам, разрешающего иностранцам владеть казахской землей. Разумеется, инициатива ОПОП является самым крупным и выгодным проектом не только для Китая, но и для стран Центральной Азии. Однако инициатива «Один пояс, один путь» также усиливает антикитайское настроение в стране. Развитие в экономике, происходящее благодаря инициативе ОПОП, имеет свое влияние на социальное восприятие и изменения в обществе, которому стоит уделять особое внимание.

References

- Burkhanov A., and Y.W., Chen. (2016) Kazakh Perspective on China, the Chinese, and Chinese Migration. *Journal of Ethnic and Racial Studies*, no 39 (12), pp. 2129.
- Duarte P. (2018) China's Momentum: The "One Belt One Road" Triple's Securitisation. Washington D.C: George Washington University Central Asia Press, no 1(10), pp. 143 – 165.
- Garibov A. (2018) Contemporary Chinese Labor Migration and Its Public Perception in Kazakhstan and Kyrgyzstan' in Marlene Laruelle (ed) *China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia*. Washington D.C: George Washington University Central Asia Press, no 12 (1), pp. 143-153.
- Jaborov S. (2017) Chinese Loans in Central Asia: Development Assistance or 'Predatory Lending?' in *China's Belt and Road Initiative and its Impact in Central Asia*. Washington D.C: George Washington University Central Asia Press, no 1 (10), pp. 34-40.
- Jochec M., Jenishkyzy, J. (2017) China's BRI Investments, Risks, and Opportunities in Kazakhstan and Kyrgyzstan. Washington D.C: George Washington University Central Asia Press, no 1 (10), p. 60.
- Kazakhstan: Khorgos East Gate Special Economic Zone (SEZ) is an important part of transport and logistic system. http://uic.org/com/uic-e-news/480/article/kazakhstan-khorgos-east-gate?page=iframe_eneews 12.01.2016
- Kushkumbayev, S. Kazakhstan's Nurdy Zhol and China's Economic Belt of the Silk Road: Confluence of Goals," <https://astana-times.com/2015/09/kazakhstans-nurdy-zhol-and-chinas-economic-belt-of-the-silk-road-confluence-of-goals/> 22.09.2015
- Lain S., Pantucci, R. (2016) Silk Road Security China's Eurasian Pivot: The Silk Road Economic Belt // *Journal Whitehall Papers*, no 88 (5), pp. 64-69.
- Laruelle M. (2015) The US Silk Road: geopolitical imaginary or the repackaging of strategic interests?. // *Journal of Eurasian Geography and Economics*, no 56 (4), pp. 360 – 375.
- Michael C. (2014) *Kazakh Responses to the Rise of China: Between Elite Bandwagoning and Societal Ambivalence?* // London: Palgrave Macmillan Press, no 1 (10), p. 143.
- Shambaugh D. (2013) *China Goes Global. The Partial Power* // New-York: Oxford University Press, no 12 (14), p. 169.
- Wolters A. (2017) « Hegemonic or Multilateral? Chinese Investments and the BRI Initiative in Tajikistan and Kyrgyzstan» // Washington D.C: George Washington University Central Asia Press, no 1 (10), pp. 41 – 50